

Поездка в Даровое¹

«Это маленькое и незамечательное место оставило во мне самое глубокое и сильное впечатление на всю потом жизнь...»
(Достоевский, Дневник писателя 1877 г.)

Достоевский – писатель города, хмурого загадочного Петербурга. Действие его ранних повестей и больших романов разворачивается на фоне городских улиц, площадей, строений. Его герои созданы жизнью большого города, не могут существовать и не могут быть поняты вне ее. Серые камни Петербурга заслонили от них широкий простор деревенской России. Они смутно помнят, что где-то есть этот простор полей и лесов, что когда-то они сами видели его, но воспоминание их – как воспоминание о «потерянном рае», о чем-то далеком, прекрасном и недоступном. Видение посетило их в детстве и потом исчезло навсегда, оставив светлую память, но сделав еще тяжелее гнет каменного мешка, к которому они прикованы навеки.²

«Детство мое было самым счастливым временем моей жизни. Началось оно не здесь, но далеко отсюда, в провинции, в глуши...»^{*} – вспоминает Варенька Доброселова в «Бедных людях». Деревня в Т – ой губернии в ее воспоминаниях залита ярким светом: лето, осень, утро, вечер, поля, озеро, роща – все там прекрасно, несравнимо с жизнью в скучном сердитом Петербурге.

«Когда мы оставляли деревню, день был такой светлый, теплый, яркий; сельские работы кончались; на гумнах уже громоздились огромные скирды хлеба и толпились крикливые стаи птиц; все было так ясно и весело; а здесь, при въезде³ нашем в город, дождь, гнилая осенняя изморозь, непогода, слякоть и толпа новых незнакомых лиц, негостеприимных, недовольных, сердитых».^{**}

Через много лет после «Бедных людей» почти буквально словами Вареньки вспоминает о своих детских деревенских впечатлениях герой «Униженных и оскорбленных»:

«Родился я не здесь, а далеко отсюда, в – ской губернии. О, мое милое детство! Как глупо тосковать и жалеть о тебе на двадцать пятом году жизни и, умирая, вспомнить только об одном тебе с восторгом и благодарностью! Тогда на небе было такое ясное, такое не петербургское солнце и так резво, весело бились наши маленькие сердца. Тогда кругом были поля и леса, а не груды мертвых камней, как теперь...»^{***}

Словами обоих героев, приведенными выше, говорит сам автор. В воспоминаниях его детства стояла залитая светом и радостью деревенская жизнь, рисовавшаяся тем более прекрасной, чем безотраднее была окружавшая его петербургская действительность. Резкий контраст Петербурга с остальной, деревенской Россией Достоевский отмечал всегда, через действующих лиц своих произведений⁴ или прямо от своего лица. Так, напр<имер>, в фельетоне 1847 года он писал: «На днях⁵ был семик. Это народный русский праздник. Им

^{*} Собр. соч. Достоевского, изд. «Просвещение», т. 1, стр. 26. Прим. автора.

^{**} То же, стр. 27. Прим. автора.

^{***} Собр. соч. Достоевского, т. VI, гл. II, стр. 19 – 20. Прим. автора.

народ встречает весну, и по всей безбрежной русской земле завивают венки. Но в Петербурге погода была холодна и мертва. Шел снег, березки не распустились, к тому же град побил накануне древесные почки...»*

Нет сомнения, что в длинном рассказе Вареньки**, в воспоминаниях Ивана Петровича в «Униженных и оскорбленных», в предисловии к «Маленькому герою»*** изображены детские впечатления самого Достоевского, его летнее пребывание в отцовском имении⁶ – сельце Даровом, Тульской губернии, Каширского уезда. Все элементы, из которых складывается деревенский пейзаж «Бедных людей» и «Униженных и оскорбленных», взяты оттуда: там эта изрезанная оврагами почва, эта липовая роща около дома, пруд за садом, озеро невдалеке от усадьбы. Даже сейчас, когда вырублены кругом леса, когда спущен пруд⁷ и сырое дно его засажено капустой,⁸ а от озера осталась небольшая лужица под зеленым откосом, можно узнать пейзаж, который светлым видением сопровождал жизнь героев произведений Достоевского, – и, вероятно, жизнь самого автора.

Маленький, выкрашенный яркой синей краской домик в Даровом в основе своей был построен М. А. Достоевским, отцом писателя.**** Он много раз ремонтировался, расширялся пристройками, когда после Достоевских в нем жила семья Ивановых, во владение которой перешло имение в пятидесятых годах прошлого столетия. Однако можно предполагать, что центральная часть, построенная в начале <18>30-х годов, до сих пор сохранилась в основе здания.⁹ По крайней мере ни последняя владелица его М. А. Иванова, ни местные старики-крестьяне не сохранили воспоминания о каком-либо пожаре или капитальной перестройке всего дома.¹⁰ Низкие, тесные комнатки с небольшими окошками, выходящими с одной стороны в сад, с другой – на проезжую дорогу,¹¹ вероятно, помнят 10–15-летнего Достоевского, со всей семьей приезжавшего в деревню на летние месяцы. В комнатах только три вещи сохранились от того времени: диван, овальный стол перед ним и темный почти черный книжный шкаф с стеклянной дверцей.¹² В этих тесных, уютных комнатках с изразцовыми печами вспоминается идиллический рассказ Вареньки о ее детстве: «Прибежишь, запыхавшись, домой, дома шумно, весело; раздадут нам всем детям работу: горох или мак шелушить. Сырые дрова трещат в печи; матушка весело смотрит за нашей веселой работой; старая няня Ульяна рассказывает про старое время или страшные сказки про колдунов и мертвецов. Мы, дети, жмемся подружка к подружке, а улыбка у всех на губах. Вот, вдруг замолчали разом: чу! шум! как будто кто-то стучит! Ничего не бывало; это гудит самопрялка у старой Фроловны; сколько смеху бывало! А потом ночью не спим от страха; находят такие страшные сны. Проснешься, бывало, шевельнуться не смеешь и до рассвета дрогнешь под одеялом. Утром встанешь, свежа как цветочек. Посмотришь в окно: морозом прохватило все поле... солнце светит кругом яркими лучами и лучи разбивают, как стекло, тонкий лед. Светло,

* Ф. М. Достоевский, Петербургская летопись, изд. «Эпоха», 1922, стр. 62. *Прим. автора.*

** Собр. соч. Достоевского, т. I, стр. 26–27, стр. 131–134; также первая редакция «Бедных людей», см. т. 22, стр. 6–7. *Прим. автора.*

*** Первая редакция произведения, т. 22, стр. 85. *Прим. автора.*

**** В «Известиях ЦИКа (от 4 ноября 1924 г.)» была напечатана заметка А. Дроздова «Усадьба Достоевского», в которой сообщались сведения о новом доме в Даровом, будто бы выстроенном Ф. М. Достоевским. Опровержение этого сообщения уже сделано Л. П. Гроссманом в журнале «Красная нива», 9, 1925 г., стр. 209. Не имеет также никаких оснований сообщение Дроздова о «креслах, купленных писателем на скудный гонорар за его романы», будто бы имеющихся в Даровом. Вообще заметка полна неточностей и ошибок. *Прим. автора.*

ярко, весело! В печке опять трещит огонь; подсядем все к самовару, а в окна посматривает продрогшая ночью черная наша собака Полкан и приветливо махает хвостом. Мужичек проедет мимо окон на бодрой лошадке в лес за дровами...»*

Характерно, что Варенька Доброселова, единственная дочь своих родителей, изображает здесь жизнь многодетной семьи, именно такой, какая была в действительности семья Достоевских.¹³ Недаром в ее воспоминаниях появляется и няня Фроловна, конечно, известная няня Достоевских, Алена Фроловна.

Лучше всего сохранилась в настоящее время в Даровом чудесная липовая роща вблизи дома.¹⁴ Ее густая, пышная зелень, прохладная полумгла и какая-то особенная тишина под ее сводом прекрасно изображена Варенькой в том же рассказе о своем детстве: «Я помню у нас в конце сада была роща, густая, зеленая, тенистая, раскидистая, обросшая тучною опушкой. Эта роща была любимым гуляньем моим, а заходить далеко в ней я боялась. Там щебетали такие веселенькие птички, деревья так приветливо шумели, так важно качали раскидистыми верхушками, кустики, обегавшие опушку, были такие хорошенькие, веселенькие, что, бывало, невольно позабудешь запрещение, перебежишь лужайку, как ветер, задыхаясь от быстрого бега, боязливо оглядываясь кругом, и в миг очутишься в роще, среди обширного, необъятного¹⁵ глазом моря зелени, среди пышных, густых, тучных, широко разросшихся кустов...»**

Об этой роще и леске за нею говорит в своих воспоминаниях о брате Андрей Михайлович Достоевский и называет их любимым местом прогулок Достоевского в детстве.^{***}

Через дорогу от усадьбы, за крестьянскими ригами, тянется овраг, противоположный склон которого покрыт кустарником. Это место и поныне называется «Лоском», как называлось во времена детства Достоевского.¹⁶ Здесь близко, на склонах оврага, произошла встреча испуганного барчонка с мужиком Мареем, навсегда запомнившаяся писателю.^{****}

Марея в деревне хорошо помнят и его двух братьев, Федота и Филиппа. Помнят и дурочку Аграфену Тимофееву, прототип Лизаветы Смердящей в «Братьях Карамазовых». Достоевский мог ее видеть в Даровом в свой приезд в 1877 году, так как она жила долго.¹⁷ До конца жизни она ходила круглый год в одной рубаше, убегала из дому, где ее бранили родные. Часто зимой ее находили на кладбище, всю заиндевевшую, с спутанными седыми волосами, с босыми ногами. Говорить Аграфена не могла за исключением нескольких невнятных слогов.¹⁸

Федора Михайловича в деревне не помнят. Его единственный приезд в Даровое, после проведенного там детства, в 1877 году^{*****}, в памяти крестьян не сохранился,¹⁹ хотя, судя по «Воспоминаниям» А. Г. Достоевской, муж ее пробыл в родном гнезде два дня, посещая

* Собр. соч. Достоевского, т. I, стр. 133. *Прим. автора.*

** Собр. соч. Достоевского, т. 22, стр. 6 – 7. *Прим. автора.*

*** «Биография, письма Ф. М. Достоевского», изд. 1883 г., стр. 12–16. *Прим. автора.* (Речь идет о книге: Биография, письма и заметки из записной книжки Ф. М. Достоевского / Под ред. О. Ф. Миллера. СПб.: Тип. А. С. Суворина, 1883. На указанных страницах А. Ф. Миллер пересказывает известные ему фрагменты из «Воспоминаний» А. М. Достоевского о детских годах Ф. М. Достоевского и в том числе о летних пребываниях в Даровом и Черемошне. – Г. П.)

**** Собр. соч. Достоевского, т. 20, стр. 53 (Дневник писателя за 1876 г., февраль–апрель). *Прим. автора.*

***** Собр. соч. Достоевского, т. 21, стр. 202. (Дневник писателя 1877 г., июль–август). «Сорок лет я там не был, пишет Достоевский о Даровом, – и столько раз хотел туда съездить, но никак не мог, несмотря на то, что это маленькое и незамечательное место оставило во мне самое глубокое и сильное впечатление на всю потом жизнь и где все полно для меня самыми дорогими впечатлениями». *Прим. автора.*

различные места в саду и окрестностях и заходя в избы мужиков, своих сверстников. «Старики и старухи и сверстники, помнившие его с детства, радостно его приветствовали, зывали в избы и угощали чаем», – рассказывает Анна Григорьевна.*

Смутно хранится в памяти крестьян образ отца писателя,²⁰ Михаила Андреевича Достоевского. Помнят, что барин был суровый, недобрый, но лично знавших его крестьян уже нет в живых. Отчетливо стоит в памяти крестьян лишь факт его насильственной смерти. Наиболее подробно рассказать нам об этом факте смогли два крестьянина с. Дарового, Данила Макаров и Андрей Саввушкин. Первый, девяностолетний старик, был мальчиком лет семи, когда было совершено убийство,²¹ второй рассказывал со слов своего отца. Рассказывали старики вместе, поправляя и дополняя друг друга. Приводим ниже почти дословно записанный рассказ стариков**:

«Барин был строгий, неладный господин, а барыня была душевная. Он с ней нехорошо жил, бил ее. Крестьян порол ни за что. Бывало гуляет по саду, а там за дорогой мужик пашет, не видит барина и шапку не снимает. А барин велит позвать да всыпать ему штук 20–30, а потом посылает – “иди, работай”».²²

«Чермашинские мужики задумали с ним кончить. Сговорились между собой²³ Ефимов, Михайлов, Исаев да Василий Никитин. Теперь все равно никого на свете нет, давно сгнили, – можно сказать. Петровками, о сю пору, навоз мужики возили. Солнце уж высоко стояло, барин спрашивает, все ли выехали на работу. Ему говорят, что из Чермашни четверо не поехало, сказались больными. “Вот я их вылечу” – велел дрожки заложить. А у него палка вот какая была. Приехал, а мужики уж стоят на улице. “Что не едете?” – “Мочи, – говорят, – нет”. Он их палкой одного, другого. Они во двор, он за ними. Там Василий Никитин, здоровый, высокий такой был, его сзади за руки схватил, а другие стоят, испугались. Василий им крикнул: “Что ж стоите? зачем сговаривались?” Мужики бросились, рот барину заткнули, да за нужное место... чтоб следов никаких не было***.²⁴ Потом вывезли, свалив в поле, на дороге из Чермашни в Даровое. А кучер Давид²⁵ был подговорен. Оставил барина, да в Моногарово за попом, а в Даровое и не заезжал. Поп приехал, барин дышит, но уж не в памяти. Поп глухую исповедь принял,²⁶ знал он, да скрыл, крестьян не выдал. Следователи потом из Каширы приезжали, опрашивали всех, допытывали,²⁷ ничего не узнали. Будто от припадка умер, у него припадки бывали».

Такова память об этом событии на месте его происшествия.²⁸ До сих пор оно было известно из книги дочери писателя,²⁹ сообщения которой во многих случаях не внушают доверия. Рассказ Любови Федоровны сильно отличается от изложенного рассказа крестьян. «В один летний день, – читаем у нее в книге, – М. А. Достоевский отправился из своего имения Дарового в свое другое имение, под названием Чермашня, и больше не вернулся... Его нашли позже на полпути, задушенным подушкой из экипажа. Кучер исчез вместе с лошадьми,

* «Воспоминания А. Г. Достоевской» под ред. Л. П. Гроссмана, Госиздат, 1925 г., стр. 226. *Прим. автора.*

** Рассказ был записан нами 8-го июля 1925 г. в с. Даровом. *Прим. автора.*

*** М. А. Иванова, со слов соседней помещицы старушки, от которой она слышала рассказ об убийстве, сообщила нам, что убийство произошло посредством сжатия мочевого пузыря. Вследствие этого на теле будто бы нельзя было обнаружить никаких признаков насильственной смерти. *Прим. автора.* (Ср.: «В особенности надлежит исследовать мочеточники, urethers, и мочевого пузырь, vesica urinaria, и заметить <...> нет ли повреждения с изливанием мочи или без оной...») (Устав судебной медицины // Свод законов Российской империи. 1839. Т. XIII. п. 1384. – Г. П.)

одновременно исчезли еще некоторые крестьяне из деревни. Во время судебного разбирательства другие крестьяне моего деда показали, что это был акт мести».*

Новый свет на это дело могло бы пролить опубликование следствия по этому поводу,³⁰ если таковое сохранилось, а также издание полностью «Воспоминаний» Андрея Михайловича Достоевского, в которых есть изложение этого события.

Деревня Чермашня**, название которой в связи с<о> страшной смертью старика вошло в роман Достоевского «Братья Карамазовы», находится в полутора верстах от Дарового. Дорога к ней идет полями ржи и овса. Характерно, что крестьянин Чермашни, с которым мы беседовали, семидесятилетний старик Иван Васильевич Мелихов<, > решительно отверг факт убийства и изобразил картину смерти так, как, вероятно, официально она была установлена. Барин ехал на дрожках в поле из Дарового в Чермашню, с ним сделался удар, кучер его оставил в поле и поскакал за священником в Моногарово. Приехавшие следователи полмесяца жили в деревне, всех поодиночке опрашивали, детям конфет давали, но ничего подозрительного не нашли.³¹

Этот Мелихов, внук того Семена Широкого, о котором упоминает в своих воспоминаниях А. М. Достоевский.*** Семен Широкий был лучший знаток лошадей, хороший кучер и постоянно ездил за господами в 30-х годах в Москву, перевозя их на лето в Даровое. Внук рассказал следующий случай из жизни деда, характеризующий М. А. Достоевского:

«Семен был хитрый мужик. Вез он раз воз ржи мимо барского дому. А в старину было так: всяк должен у барского дома шапку снять. Семен, чтоб шапки не снимать, взял да по другую сторону дома и поехал. А барин-то зашел с другой стороны и говорит: “Здорово, Семушка! Ты и шапки перед барином снять не хочешь!” И велел ему закатить...»

В деревне Чермашне в настоящее время живут две племянницы Достоевского, Мария и Ольга Александровны Ивановы. Старшая М. А. Иванова хорошо помнит лично писателя и любезно согласилась поделиться с нами своими воспоминаниями, за что приносим ей глубокую благодарность. Приводя ниже полностью текст записанных нами со слов М. А. Ивановой рассказов о Достоевском, мы предпосылаем им несколько объяснительных³² замечаний.

Известно, как Достоевский любил семью своей второй сестры, Веры Михайловны, в замужестве Ивановой. В 1868 году он писал ей и ее мужу: «Кто же милее и дороже мне, как не вы и ваше семейство. Кроме вас, Федя и его семейство и Паша, – вот и все те, которыми я дорожу и которых крепко люблю на всем свете»****

То же отношение Федора Михайловича подтверждает в своих «Воспоминаниях» А. Г. Достоевская: «Из всех своих родных Федор Михайлович особенно любил сестру, Веру Михайловну Иванову, и всю ее семью»*****

Отец семейства, Александр Павлович Иванов, состоял врачом при Константиновском Межевом институте в Москве и оставил о себе память³³ как об исключительно хорошем,

* «Достоевский в изображении его дочери», Госиздат, 1922 г., стр. 16–17. *Прим. автора.*

** Все имение Достоевских, по местным воспоминаниям, простиралось на 260 десятин. Прежде было значительно более лесу вокруг, чем в настоящее время. *Прим. автора.*

*** «Биография, письма Ф. М. Достоевского», изд. 1883 г., стр. 13. *Прим. автора.*

**** Письмо из Женевы от 1/13 янв<аря> 1867 г. «Русск<ая> старина» 1885 г., кн. 7, стр. 140. *Прим. автора.*

***** Воспоминания А. Г. Достоевской, Госиздат, 1925 г., стр. 84. *Прим. автора.*

добром человеке. Бывший студент этого института называет его «прекраснейшим и добродетельнейшим человеком»^{*}; крестьяне с. Дарового, сохранившие такую мрачную память о «барине Достоевском», не находят достаточно теплых слов, чтоб изобразить доброту «барина Иванова». ³⁴ Общий характер многодетной семьи Ивановых так обрисован Достоевским в вышецитированном письме его к сестре: «У вас резко, крикливо, шумно – правда; но на всем лежит печать тесной, хорошей, доброй, согласной семьи». ^{**} Этот дух семейственности особенно привлекал Достоевского к Ивановым. Наезжая в Москву, он постоянно бывал у Ивановых, а лето 1866 года прожил с ними вместе на даче в Люблине под Москвою. К этому именно времени относятся воспоминания М. А. Ивановой, которой в 1866 году было 18 лет. ³⁵ <...>

¹ Печатается в сокращении по первой публикации: *Нечаева, В. С.* Поездка в Даровое // *Новый мир*. М., 1926. 3. С. 128–134.

² Ср.: главка «Земля и дети» из «Дневника писателя» за июль – август 1876 г.: «Дети должны родиться на земле, а не на мостовой. <...>. По-моему, работай на фабрике: фабрика тоже дело законное и родится всегда подле возделанной уже земли: в том ее и закон. Но пусть каждый фабричный работник знает, что у него где-то там есть сад, под золотым солнцем и виноградниками, собственный, или, вернее, общинный сад, и что в этом саду живет и его жена, славная баба, не с мостовой, которая любит его и ждет, а с женой – его дети, которые играют в лошадки, и все знают своего отца».

³ В оригинале – «везде».

⁴ В оригинале здесь стоит запятая.

⁵ В оригинале – «на-днях».

⁶ Сельцо Даровое никогда не принадлежало отцу писателя.

⁷ В оригинале здесь стоит запятая.

⁸ Пруд был спущен в середине 1890-х гг., когда Ю. А. Иванова пыталась вернуть усадьбе хозяйственное значение.

⁹ Археологические раскопки 2005 г. показали, что дом (в том числе его несохранившаяся хозяйственная часть) стоит на фундаментах XVIII века. Несовпадение границ ныне имеющегося здания и раскопанных фундаментов возникло в 3-й трети XX века. Правда, археологические артефакты, найденные на месте хозяйственной части дома, относятся или к периоду до Достоевских (XVIII в.) или ко 2-й половине XIX в. (См.: *Сыроватко, А. С., Чувиляева, Ю. Н.* Археологические исследования на территории музея-усадьбы Достоевских «Даровое» // *Летние чтения в Даровом*. Коломна, 2006. С. 149 – 150.)

¹⁰ Сведения, сообщаемые путешественникам местными крестьянами (да у публикуемые отчеты визитеров), очевидно, подвергались серьезной автоцензуре (см. подр.: *Прохоров, Г. С.* «Говорили, будто сын барина, Федор Михайлович, большим человеком стал. Не может, гражданин, быть, чтоб у этакого отца такой сын был»: к вопросу об идеологической аранжировке в текстах о Даровом 1920-х годов // *Вестник Московского государственного областного социально-гуманитарного института*. Коломна, 2010. 2 (10). С. 149 – 156). В 1925 г. утверждение о немемориальности дома не было выгодно ни М. А. Ивановой, ни крестьянам, еще желавшим им управлять и получать ассигнования за вклад в сохранение важного памятника национальной культуры.

¹¹ Окна выходили на главную (и единственную) улицу Дарового. Однако деревня была слишком маленькой, чтобы называть эту улицу «проезжей дорогой». От проезжей трассы Зарайск – Венёв Даровое отстоит

* Н. Н. фон-Фохт, «К биографии Достоевского». Историч. Вестник, 1901 г., кн. XII, стр. 1023. *Прим. автора.*

** Русск<ая> Старина, 1885 г., кн. 7, стр. 142. *Прим. автора.*

более чем на 1 км.

¹² См. Заключение эксперта Музея мебели от 7 мая 1925 г.: «...на учете у последнего <Зарайский музей> из домашней обстановки <выд. в оригинале> находились только три предмета<:> диван, стол и шкаф, *по преданию* <выд. нами – Г. П.> имевшие отношение ко времени жизни в Даровом Ф. М. Достоевского, остальные же вещи в доме, в котором проживала его племянница М. А. Иванова являлись личными вещами последней, а посему основания к невыдаче их Ивановой М. А. – нет» (Переписка с Главмузеем и Каширским уисполкомом об охране музея-усадьбы «Даровое», принадлежавшей писателю Достоевскому. С. 223 – 224).

¹³ Прямое объяснение мира героя событиями из жизни автора было распространено и даже стандартно для литературоведения 1920-х гг. и более раннего периода. Тем не менее в отличие от Вареньки из «Бедных людей», Достоевские в 1831–36 гг. никогда не бывали в своей усадьбе в зимнее время.

¹⁴ *Липовая роща* – липняк, предположительно, в 1730 – 1750-е гг. окультуренный помещиками Хотяинцевыми в английский парк, самый ценный мемориальный объект из сохранившихся на территории усадьбы (*Воронкина Л. А. Уникальный памятник русской природы // Летние чтения в Даровом. Коломна, 2006. С. 124 – 125*). Во многом благодаря Липовой роще Даровое в 1920-х г. было признано охраняемой государством территорией и включено в список садов и парков РСФСР (см.: ЦГАМО. Ф. 966. Оп. 4. 2345. Л. 13; «Список художественно-исторических садов и парков Московской губернии, признанных неприкосновенными памятниками природы и подлежащими охране музейного подотдела МОНО и Главнауки»).

¹⁵ В тексте оригинала – «необ'ятного».

¹⁶ В отличие от А. Дроздова, В. Нечаева правильно описывает топографию Дарового.

¹⁷ А. М. Достоевский относит встречу с Аграфеной-дурочкой исключительно к детским годам жизни в усадьбе.

¹⁸ В. С. Нечаева точно воспроизводит бытующий до настоящего времени в Даровом и окрестностях комплекс нарративов об Аграфене-дурочке.

¹⁹ Очевидно, воспоминания о приезде Ф. М. Достоевского в Даровое в 1877 г. проходили жесткую автоцензуру (*Прохоров, Г. С. «Говорили, будто сын барина...» С. 149 – 156*). Ср. публикуемые ниже записи Д. Стонова, в которых внук рассказывает о встрече своего деда с писателем, тогда как его отец не просто не помнит этой встречи, но и утверждает, что вообще не знает, кто такой Ф. М. Достоевский.

²⁰ Ср. позднейшую характеристику записей 1920-х гг., сделанную В.С. Нечаевой в 1979 г.: «8 июля 1925 г. М. В. Волоцкой, автор труда “Хроника рода Достоевского” (1933), и я, автор этой книги, ездили в Даровое со специальной целью побеседовать с крестьянами на эту тему. Обстоятельные, спокойные рассказы стариков были чужды всякого стремления к эффекту, не было в них противоречий, путаницы. Правильно назывались имена давно умерших крестьян, которые я потом проверила по церковным ведомостям села Моногорова» (*Нечаева, В. С. Ранний Достоевский: 1821 – 1849. М., 1979. С. 93*).

²¹ Возраст информанта серьезно завышен. Данила Макаров не был свидетелем смерти М. А. Достоевского. Он родился после 1839 г. и не числится в исповедных росписях 1831 – 1840 гг.

²² Мотив неснятой шапки перед баринном, вероятно, восходящий к популярной средневековой «Повести о Дракуле», был распространен в литературе и народной культуре XIX века. Он употреблялся порой даже к купцам, однако, к таким купцам, которые, вопреки происхождению и своему официальному статусу, все-таки почти что «настоящие бары». Ср.: в мемуарной книге Н. П. Гилярова-Платонова «Из пережитого»: «В начале минувшего столетия <XVIII в.> господином города был именитый гражданин Иван Тимофеевич Мещанинов. Никто не смел мимо его дома проходить в шапке, а тем более обязательны были знаки почтения при личной встрече. Да чего! сами воеводы пред ним раболепствовали. Я застал в живых одного древнего желтовласого старца (фамилия ему была, помнится, Лохонин); а он застал в живых “коломенского бога”, как называли Мещанинова. Лохонин был еще мальчиком: “*по безрассудству своему – молод я еще был (так рассказывал он) – не догадался я снять шапку в начале улицы, когда Иван Тимофеевич на ней показался. Ну, и досталось мне; отодрать-таки отодрали, да и велел он меня в солдаты отдать. Я бежал и только бегами спасся*”. А Иван Тимофеевич был все-таки не более как купец!» (*Гиляров-Платонов, Н. П. Из пережитого. Т. 1. М., 1886. С. 13.*)

²³ В оригинале здесь стоит тире.

²⁴ Подобный тип убийства был описан судебной медициной того времени: «Особенное внимание обращать должно на те места, где нанесенные повреждения могут быть скрываемы, как то: полость носа, рта, зева и горла; внешний слуховой проход; затылок; подмышками; задний проход; у женщин места под грудями; наружные детородные части; у детей – темя и весь хребет» (Устав судебной медицины // Свод законов Российской империи. 1839. Т. XIII. п. 1335; *Тиле, В.* Опыт руководства к судно-врачебной науке. М., 1826. С. 66 – 67).

²⁵ А. М. Достоевский изображает кучера Давида Савельева (и его брата Федора) – малороссами, приобретенными отцом еще до женитьбы, т.е. до 1819 г., и никак не связанными с Даровым (*Достоевский, А. М.* Указ. соч. С. 30). Вероятно, в данном случае мемуарист допускает неточность. Покупка выходцами из духовного сословия крепостных не допускалась, дворянство же было выслужено гораздо позднее. В Даровом проживали еще и другие Савельевы: хозяин 40-го двора Андриан (1790 г.р.), жена хозяина 41-го двора Феодора (1795 г.р.), притом что Давид – 1800 г.р., а Федор – 1803. Давид и Федор вполне могли быть уроженцами Дарового, взятыми в дворовые сразу по покупке имения. В фольклоре Дарового отсутствует представление о Давиде как о пришлом человеке.

²⁶ Возможно, анахронизм. Во 2-й половине XIX в. практика «глухой исповеди» оценивалась как новшество, представляющее весьма спорную адаптацию католической практики соборования. (*Полисадов, И. Н.* Глухая исповедь, или Пастырское наставление в обличение тем, кои откладывают напутствие болящих до последних минут их жизни. СПб., 1865).

²⁷ Прослеживается, хотя и не очень четко, практика «повального обыска» – одного из главных инструментов предварительного полицейского расследования. Предполагал опрос по одному максимально большого числа потенциальных свидетелей. Повальный обыск позволял восстановить картину происшествия, получить палитру мнений. На его основе выявлялись разноречия, которые устранялись очными ставками. См.: *Баршев, Я.* Основания уголовного судопроизводства с применением к российскому уголовному судопроизводству. СПб., 1841. С. 83; Свод законов Российской империи. Т. XV. 1842. п. 1203 – 1204.

²⁸ Ср. принципиально иное в плане обстоятельств описание убийства, сообщенное теми же самыми крестьянами всего год спустя Д. Стонову.

²⁹ *Dostojewski A.* Dostojewski geschildert von seiner Tochter. Muenchen: Vrlg. von Ernst Reinhardt, 1920. S. 44.

³⁰ В 1975 г. некоторые документы официального следствия были найдены Г. А. Федоровым, а их содержание кратко пересказано в статье «Домыслы и логика фактов» (Литературная газета. М., 1975. № 25; см. переиздание: *Федоров, Г. А.* Был ли убит отец Достоевского? // *Федоров, Г. А.* Московский мир Достоевского. Из истории русской художественной культуры XX века. М., 2004. С. 146 – 153). Публикация вызвала у В. С. Нечаевой невероятно болезненную и острую реакцию, результатом которой стало чрезвычайно жесткое и эмоциональное письмо в редакцию газеты (по-видимому, неотправленное). Его целостный текст восстановить затруднительно за значительным числом слоев и случаев текстологической неопределенности, приводим транскрипцию. В квадратных скобках передан вычеркнутый текст, *курсивом* – вписанный поверх строки. «Редакции “Литературной газеты”. Отдел литературоведения. Прошу напечатать мое возражение [на статью] Г. Федорова (статья в № 25) [как] так как считаю [ее лишенной его “новаций” *домыслом*] [не] [ее] лишенной сколько-нибудь достоверных и построенным необоснова<нным> и *недоказанным* *домыслом* автора, [не только не подкрепленным историческими данными и проч.] *ее* низкокачественным и малоправдоподобным *домыслом* автора. Доктор фил<ологических> наук, стар<ший> научн<ый> сотр<удник> ИМЛИ им. Горького АН СССР, член ССП, В. Нечаева» (Ф. 792. К. 15. № 6. Л. 14). И далее в тексте непосредственных возражений, частично вошедших затем в кн.: *Нечаева, В. С.* Ранний Достоевский: 1821 – 1849. М., 1979: «Это не позволяет исследователям [отказаться] игнорировать *другие* свидетельства [разнообразных] современников, подтверждающие эти факты, [а не имея для этого твердых исторических данных] и противопоставить им *многословный* <?> *домысел*, [не выдерживающий ни и критики<, > вызывающий и исторические и политические <?> возражения]» (Там же. Л. 3)

³¹ Следователи не жили в Даровом несколько недель (16 июня Каширский земский суд уже официально оповестил тульского губернатора о происшествии и его причинах). Однако в июле 1839 г. – феврале 1840 гг. следователи не раз возвращались в Даровое для произведения доследования. Примечательно, что суть повального обыска И. В. Мелиховым отражена точнее, нежели Д. Макаровым, за исключением того, что

показания несовершеннолетних не учитывались при принятии процессуальных решений по итогу повального обыска. Правда, в итоговые материалы дела о смерти М. А. Достоевского попали показания малолетней Марфы Исаевой (и Тульская палата уголовного суда потребовала признать их действительными).

³² В тексте – «объяснительных».

³³ В оригинале здесь стоит запятая.

³⁴ Нельзя исключить адресный характер сообщений об А. П. Иванове, нацеленный именно на В. С. Нечаеву и М. В. Волоцкого. Глубокая любовь к А. П. Иванову плохо соотносится с последовательной травлей его дочерей.

³⁵ Судя по личному делу студентки М. А. Ивановой, сохранившемуся в архиве Московской консерватории, весной – летом 1866 г. ей было не 18, а 15 лет.